

Л. А. ТИХОМИРОВ

Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений

<Фрагменты>

Устанавливая схему развития революционных направлений в России, не следует преувеличивать их *внутренней преемственности*¹. Наши революционные кружки и направления порождаются только *до некоторой степени* одни из других. Их общая мать — поток «передовых», «либеральных» идей. На этом потоке чисто революционные направления закручиваются отдельными водоворотами, которые лишь отчасти и несовершенно происходят один от другого. Допуская существование указанного потока, можно смело предположить неожиданное возникновение нового революционного водоворота даже в том случае, если бы все предшествовавшие были уничтожены и утишены.

Лучшим и едва ли не единственно верным средством борьбы против революционных идей — я считаю оздоровление людей самого *передового* общества (между прочим, путем повышения научного уровня) и т. д.

Прежде, однако же, чем перейти к характеристике отдельных направлений, сделаю одно общее замечание. В наших революционных течениях часто поражаешься их причудливыми поворотами, скачками прямо в противоположные стороны. Почему это происходит? Дело, я полагаю, в том, что в слое, порождающем революционеров, есть основной идеал, основная вера в какой-то грядущий революционный переворот, который имеет своим орудием и целью некоторое освобождение... Чего? Всего и всех. Это — чисто анархическая идея. Недаром наши Бакунин и Крапоткин поучают Европу анархизму. Все, что *освободить* — хорошо, всякое уничтожение *стеснения* есть благо: эта (между

прочим, глубоко ошибочная по односторонности) идея передовых слоев общества превращается у людей пылких, бесшабашных и нерассудительных в идею: всё, что создаст революцию, есть благо. Эта вера в революцию существует у нашего кандидата в революционеры гораздо раньше, чем он узнает жизнь. Он раньше уверует, что жизнь никуда не годится, а затем уже начинает подыскивать, почему именно она не годится. Вот почему революционеры так перескакивают от одних оценок к другим, от одного способа действия к другому. Они просто ищут революции, своего фетиша. Если покажется, что для этого нужно осуществлять «народные» желания, — кидаются их «осуществлять»; если покажется, что для этого ведет лучшая «конституция», — берутся за конституцию. Теперешние плехановцы (группа *Освобождения труда*²), уверовав, что лишь пролетариат может совершить революцию, решают даже, что нужно создавать пролетариат... Эта готовность взять что угодно, лишь бы оно вело к потрясению, к разрушению, доходит до того, что молодежь увлекается даже Владимиром Соловьевым, в котором чует отрицание православия... Чует, быть может, даже ошибочно.

Само собою, указанное искание революции по большей части происходит бессознательно. Впрочем, наиболее сильное возражение «народовольцев» «деревенщикам» было такое: «Может быть, это и правда, но вы в своей деревне *перестаете быть революционерами*». Это была *ultima ratio*³.

Вторая причина, помогающая революционерам перескакивать к самым противоположным доктринам, — это бессилие каждой из них производить большое влияние. Третья причина — что вообще очень первобытные и в то же время несколько расстроенные мозги нуждаются в возбуждающем средстве *нового, необыкновенного*. «Теперь это не пойдет: нужно искать чего-нибудь нового» — эту фразу не раз приходилось мне слышать. Четвертая причина *европейские влияния*. «Теперь в Берлине, или в Париже, или вообще (имярек)... нашли, решили, убедились и т. д. в том, что то или то ложно или верно»... Этакое известия оказывают большое действие.

Оба мы с вами болтали пустое —
Умные люди решили другое...⁴

Это остается могучим рычагом того, что эти господа считают своей «мыслью»...

Итак, говоря о генезисе революционных идей, нужно быть очень осторожным, тем более, что ко всему прочему нужно еще прибавить крайне невысокий уровень способностей 9/10 революционеров и их почти поголовное невежество, вследствие чего им плохо известны, в большинстве случаев, книги даже их собственных учителей. В результате в головах их, общее правило, господствует мешанина самых противоположных идей, причем, конечно, обладатель такой головы может совершенно одинаково пойти куда угодно, лишь бы «к революции».

Перехожу к чертежу разветвления направлений.

Первое крупное движение, за памятью моих сверстников, сосредоточилось около *Нечаева*. Общество, им основанное, или, вероятнее всего, он сам — называли себя в прокламациях «последователями бравых Ишутинцев». Насколько мне известно, у «бравых Ишутинцев» была такая анархическая каша в головах, что якобинец *Нечаев* едва ли мог от них происходить. Верно то, что *Нечаев* и *Ткачев* начитались всяких историй французской революции (первой) и оттуда вышли якобинцами, сторонниками революционной диктатуры, которая бы силою совершила переворот — какой? Тут, конечно, была хаотическая чушь, немного социализма, немного буржуазной «свободы», что угодно, а главное, «там разберемся». Но прежде захвата власти нужно опять буквально по рецепту 1789 г. все распатать. *Нечаев* «распатывал» наивнейшим образом, он одновременно рассылал прокламации дворянству, крестьянству, казакам, кажется, даже духовенству. В прокламациях к дворянам он думал их возбудить указанием на то, что, дескать, *рюриковичи* обижены в своих «правах»; крестьян натравливал на этих самых «*рюриковичей*» и т. д. Он практиковал все средства, провозгласил «цель оправдывает средства», он первый пустил в ход *терроризм* (убийство *Иванова*).

Все это кончилось разгромом, который в малом виде напоминает современный нам. *Нечаевские* идеи, заговоры, власти, дисциплина, лганье и т. д. были чрезвычайно скомпрометированы в молодежи. Правительство, конечно, сделало большую ошибку, опубликовав процесс с объяснениями подсудимых и т. д. Но даже и с этим идеи собственно *нечаевские*, *якобинские*, долго не могли подняться. *Ткачев* убежал за границу и там начал продолжать буквально то, что делал с *Нечаевым* в России. Но в России началось движение *диаметрально противоположное* *Нечаеву*: повсюду возникли *кружки самообразования*.

Эти *кружки самообразования*, конечно, были лишь развитием естественных студенческих кружков для совместного изучения лекций, чтения и т. д. По подавлении политических затей, естественно, низшие студенческие кружки стали привлекать к себе внимание (ибо ничего больше не было). В 1870, кажется, году несколько «интеллигентных» в С.-Петербурге (Лермонтов, Чайковский, Сердюков, кажется) согласились разделить между собой высшие учебные заведения, чтобы каждый в своей области учреждал и направлял эти *кружки самообразования*. Идея была такова: революция будет — это уже вне сомнения, но ее нужно готовить путем развития личности; прежде, чем приступить к деятельности, — нужно выработать себя и получить всестороннее образование. Это образование состояло в чтении книг по установленным в кружках программам, в известной системе, начиная с наук естественных и кончая — психологией, историей, социологией. Само собою, все это было очень по-детски и на изучение «всех наук» уходило по году, по два времени. Из таких кружков выдвинулось десятка два лиц, которые и составили «*кружок чайковцев*». Он вышел, таким образом, как бы центральным, но только фактически, потому что в то время, в противоположность нечаевскому, смеялись над всякими организациями, начальствами и т. п.

Кружок этот сложился окончательно на каникулах 1871 г., когда большинство членов его вместе поселилось на даче, и тут окончательно слились в кружок. Связью кружка были чисто личные отношения: уважение, согласие в мнениях и т. д. Бывали случаи, что единогласное решение кружка не могло принудить отдельного члена к тому или иному поступку, и этого члена оставляли в покое: что, мол, делать, если не хочет! Наука, образование, личная выработка — вот идея, которую нес кружок. Он издавал книги, распространял их по дешевым ценам, в убыток, пополняя дефицит разными пожертвованиями. Он основывал другие кружки, члены его разъезжали с этой целью по всей России, и кружки возникали, как, напр., в Москве (где я был членом кружка), в Одессе и т. д. Вообще этих кружков было много.

В идейном смысле я считаю кружок Чайковского и вообще все направление 1869–1872 гг. порождением пропаганды *Писарева* (публициста Дмитрия Ивановича), тогда уже умершего. Кружок был глубоко пропитан всеми его отличительными идеями: наука,

образование. К народу люди того времени относились свысока. Народ нужно учить, возвышать до себя.

Однако рядом с этим господствующим направлением было маленькое течение противоположного характера. В С.-Петербурге и Москве оно выражалось кружком Долгушина; в провинции близкое направление было в Киеве, в Харькове, где *ходили в народ*, когда еще на севере об этом и не думали. Долгушинцы смеялись над «книжниками», «образованниками» чайковцами, а себя называли *народниками*. Их идея была идти в массу народа и делать попытки *бунта*, так как по-тогдашнему считалось, что с окончанием срока обязательных отношений крестьян к помещикам должно начаться повсеместное крестьянское восстание.

Это маленькое сначала течение переломило скоро все. Характерная черта русских движений: как только какой-нибудь отпрыск движения разрастется, по-видимому, до состояния некоторой силы, он немедленно начинает сохнуть. Чайковцы, казалось, достигли многого. У них были огромные связи, деньги, масса изданий (легальных), распространение книг шло широко. Устроены были во всех кружках занятия с *рабочими*, и многие рабочие были вполне «распропагандированы». Но уже в 1872 г. очень усиливается направление *народников*, усилия направляются не столько на учащуюся молодежь, как на рабочих, и является мысль идти в деревню, в народ. С целью подготовки к этому разные лица (между прочим, из самого кружка чайковцев) поступают на фабрики, некоторые уезжают в деревню.

К 1873 г. накапливается уже много элементов для *движения* в народ: 1) пропаганда анархии Бакунина, который выставил массу народа хранилищем настоящего революционного бунтовского духа; 2) за границу бежал Лавров, который основывает, под сильным влиянием чайковцев, журнал «*Вперед*», также посылающий в *народ*, хотя не для бунта, а для социалистической пропаганды и организации тех лиц народной среды, которые проникнутся социалистическими учениями (у Лаврова бунт предполагался лишь в будущем); 3) кружок Долгушина попытался бунтовать народ под Москвою и, хотя погиб, но повлиял своим примером; 4) старые стремления провинциальных кружков Киева и Харькова к хождению в народ оживают; 5) кружок чайковцев примыкает решительно к этому же движению.

Тут нужно отметить верное, хотя случайное, обстоятельство. Кружок чайковцев до 1873 г. действовал замечательно без

стеснений; он завел по Петербургу десяток центров пропаганды между рабочими, куда стекались многие сотни фабричных и т. д. В 1873 г. начались наконец меры полиции, некоторые члены кружка были арестованы, остальные разбежались по разным городам и дали огромный толчок идее идти в народ. Решено было, что в городах действовать трудно и что выгоднее перенестись в деревню. Зима 1873 г. и весна 1874 г. в Москве и других городах были употреблены беглецами на разжигание молодежи, а летом 1874 г. сотни человек двинулись «в народ», с котомками и книжками:

Паспорт, котомка,
Дюжина разных изданий,
Крепкие ноги,
Множество планов, мечтаний⁵,

как впоследствии воспевал это время один из участников (см. сборник «Из-за решетки»).

Эти «планы» и «мечтания» были крайне неопределенны. Массу молодежи потянуло в народ именно то, что в сущности тут не было никаких окончательных решений: «посмотреть», «осмотреться», «прощупать почву», вот зачем шли, а дальше? Может быть, делать бунт, может быть, пропагандировать. Между тем хождение было нечто столь новое, заманчивое, интересное, требовало столько мелких занятий, не утруждающих головы (вроде изучения костюмов, манер мужиков, подделки паспортов и т. д.), требовало столькоких лишений физических (которые удовлетворяли нравственно, заставляя думать каждого, что он совершает акт самопожертвования), что наполняло все время, все существо человека. <...>

Наступила эпоха 1875–1878 гг.

В России — сотни бывших пропагандистов сидели по тюрьмам.

У оставшихся на воле и у их молодых преемников после некоторого затишья выработалось два направления: а) народническое — в смысле кружка *Земли и воли*, б) террористическое.

Направление *Земли и воли* сложилось под влиянием: а) идеи Бакунина (через которого связаны даже со славянофилами) о народе, хранителе высших идеалов общежития и силы революционной; б) идеи Лаврова об организации народных элементов (через Лаврова связаны с социал-демократами); с) под влиянием опыта, показавшего, что с налету в народе ничего не сделаешь и d) идеи Ткачева (а через него — Нечаева и французских яко-

бинцев, бланкистов) о крепкой организации революционных сил. Программа *Земли и воли* состояла в следующем: идеалы народа в основе совпадают с идеалами социалистическими, нужно лишь оформить эти идеалы и скрепить народ организацией, способной дать ему силы для осуществления этих идеалов. Впереди, стало быть, виднелась революция, уж это всегда. А в ожидании нужно было следующее: 1) крепкая центральная организация кружка, с безусловным послушанием членов, с принципом «цель оправдывает средства»; 2) разветвить этот кружок по провинциям, в деревнях; 3) поселяться в деревнях прочно, в звании писарей, фельдшеров, земледельцев, торговцев и т. д.; 4) войти в крестьянскую жизнь, заслужить доверие, бороться рядом с крестьянами против помещика, полиции и т. д. на почве законной и даже незаконной; 5) высматривать и опробировать среди крестьян лиц, революционно настроенных, и таким образом расширять больше и больше свою организацию.

Земля и воля сделала очень многое. Она собрала человек 30 членов, большею частью энергичных, основала свою центральную организацию в Петербурге, имела кружки провинциальные в разных губерниях (Тамбове, Саратове, на Дону и т. д.). Кружок имел деньги, находил связи, ему необходимые, и вообще процветал до 1878 г.

Террористы возникли под влиянием: а) пропаганды Ткачева («Набат» и Общество народного освобождения), который постоянно рекомендовал убивать, сопротивляться и т. д.; б) под влиянием радикальных идей о личных правах и о политической свободе; в) под влиянием бывшего в народничестве *бунтарства*. В первоначальном терроризме (который собственно южного происхождения) смешивалось два течения: одно стремилось частыми убийствами, сопротивлениями и т. д. вызвать революцию, другое рассчитывало *принудить* правительство к *уступкам*, т. е. к допущению прав революционной пропаганды, обществ и т. п., а быть может, и к дарованию конституции. <...>

Наступил 1878 год. Процесс 193-х выпустил на деятельность очень немного лиц, но он создал много предлогов и случаев для дальнейших столкновений. Едва окончился процесс — раздался выстрел, направленный Верою Засулич в генерала Трепова и т. д. Это время было очень курьезное. Правительство, насколько о нем возможно судить по действиям администрации, имело какой-то виноватый вид. Свобода в Петербурге наступила не-

обычайная. Сходки происходили невозбранно, демонстрации — почти невозбранно. На панихиду по Сидорацкому во Владимирской церкви публика была приглашаема печатными билетами, где что-то говорилось о «жертвах деспотизма» и т. д. Хотя эти билеты рассылались по всему Петербургу, никто и не подумал помешать демонстрации. Либеральная публика держала себя так, что революционеры не могли не думать, что она им сочувствует. Весна 1878 г. вселила в революционеров уверенность: 1) что правительство может растеряться и уступить; 2) что либералы могут революционеров серьезно поддержать. Я не обсуждаю вопроса о том, насколько подобная уверенность имела основательности, а отмечаю лишь факт ее. Факт же сам по себе крайне важен, потому что это преувеличенное сознание своих сил (или слабости препятствий) именно внушило революционерам решимость на самые отчаянные предприятия.

Политические убийства, вооруженные сопротивления и т. п. посыпались одно за другим. Правительство приняло энергические меры, но, в сущности, эта энергия была больше показная, так как, без сомнения, такие громкие слова, как *осадное положение*, *исключительные меры*, *Верховная комиссия* и т. д., не могли иметь никакого вреда для заговорщиков, прячущихся в закоулках, а делали им только громкую рекламу. <...> Весь остаток 1878 и половина 1879 г. прошли, таким образом, в громких, но нисколько не имеющих силы мерах, в нескольких случайных успехах полиции, а также в усилении организации *Земли и воли*. В идеях тут необходимо отметить все большее развитие терроризма.

Почему развивался терроризм? Суть дела, по мне, в следующем: основу революционно-интеллигентной души, крайне расшатанной, потерявшей уважение к авторитету, не поддерживаемой нравственно ничем, кроме идеи в какое-то всеобщее освобождение, — составляло стремления к *революции* в прямом, бунтовском смысле. Но этой борьбы, восстания интеллигент не находил нигде, кроме терроризма; это было некоторое подобие революции, и оно к себе неудержимо притягивало. Раз попробовавши кинжалы и пули, раз подумавши, что на этом пункте можно, так сказать, *прорвать* защиту существующего строя, — силы шли неудержимо на этот пункт. Центр *Земли и воли*, находясь под городскими впечатлениями, делается террористическим, вопреки даже программе кружка, вопреки

желаниям провинциальных членов. С развитием Киевского *Исполнительного комитета* около *Земли и воли* образуется якобы ей подчиненная подгруппа *террористическая*, которая имеет у себя привезенную из Киева печать *Исполнительного комитета* и начинает издавать прокламации от имени *Исполнительного комитета*. Террористы *Земли и воли* (Михайлов Александр, Квятковский, Морозов) создают даже *Листок Земли и воли*, якобы приложение к газете, органу кружки *Земля и воля*, но это приложение проповедует идеи, совершенно противные органу. Когда прибыл в С.-Петербург *Соловьев*, Александр Михайлов втайне от кружка оказывает ему всю помощь.

Террористы *Земли и воли* таким образом насильственно тянули кружок на путь «политической борьбы». Нужно сказать, что члены, верные программе, страшно протестовали. Внутренние раздоры доходили чуть не до револьверов. Были случаи, что члены-народники угрожали членам-террористам пустить в ход силу, если эти последние не перестанут употреблять средств и имя кружка на дело, противное его целям.

Так назревал разрыв. Надо сказать, что среди сторонников «политической борьбы» были разные течения: одни были чистые террористы, по примеру бывших киевских; они хотели путем террора вынудить у правительства уступки и примером своего самоуправства, скомпрометировав правительство, довести дело до революции. Представителем чистых террористов можно назвать Н. Морозова, который несколько позднее изложил свои идеи за границей в брошюре «*Террористическая борьба*». Другая часть «политиканов» только терпела терроризм, мечтая собственно о государственном перевороте путем заговора. Ввиду явного разрыва с народниками («деревенщиками»), некоторые лица, особенно Александр Михайлов, решились обеспечить себя от нападений членов народников. Согласно уставу кружка, в 1879 г., летом, должен был быть созван общий съезд кружка из С.-Петербурга и провинций. Центр назначил местом съезда *Воронеж*. Но было втайне решено еще раньше созвать съезд всех, кто в разных местах России заявил себя сторонником политической борьбы, чтобы сформировать тайное общество в тайном обществе, а затем этих своих членов провести на Воронежском съезде в члены кружка *Земля и воля* и с помощью этого составить себе большинство голосов.

Такова была цель Липецкого съезда. <...>

Через несколько дней после Липецкого съезда наступил Воронежский. Там все пошло по плану. Сначала вотировали принятие новых членов, которые ожидали в Липецке первой телеграммы, чтобы приехать. *Деревенщики*, совершенно искренние, не подозревали ловушки. Новые члены приехали, с их помощью «политиканы» не добились полного преобразования кружка, но было все-таки решено, что часть средств должна идти на политическую борьбу; особенно легко согласился съезд на террор. Но все-таки такое решение было недостаточно «политиканам». Им приходилось таиться, нельзя было свободно действовать. А деревенщики уже мало-помалу опомнились и увидели, что их идеи и средства будут в руках совсем не их людей. Таким образом начались споры, и того же самого 1879 г. состоялся последний съезд в С.-Петербурге, порешивший разрыв *Земли и воли* с уничтожением самого названия старого кружка, с разделом имущества кружка между двумя новыми, из которых, один принял название *Народной воли*, другой *Черного передела*, по именам созданных ими газет.

Черный передел влачил существование мало заметное. Он представлял сначала идеи народников (выше характеризованные), мало-помалу проникаясь идеями социального демократизма, и через несколько лет его заграничные представители, Плеханов с товарищами, окончательно разорвали связь с идеями народничества, основав чисто социал-демократическую группу *Освобождения труда* (за границей в 1883 или 1884 г.). Эти последние желают конституции и пропаганды социалистической среди рабочих, чтобы их постепенно организовать в чисто рабочую партию; террора не любят, даже отрицают его. Влияния, кажется, особенного не имеют. *Черный передел* исчез с лица земли.

Народная воля жила шумнее и даже дольше. Ее историю можно разделить на следующие периоды: а) от 1879 по 1 марта 1881 г.; в) от 1 марта 1881 г. по лето 1882 г.; с) 1882–1883 гг.; д) период Лопатина; е) современный период, т. е. после 1884 г.

Первоначально преобладающая идея *Народной воли* была идея заговора с целью низвержения правительства и созыв Учредительного собрания или же, смотря по обстоятельствам, захвата власти. Реформы, имевшиеся при этом в виду, изложены в программе *Исполнительного комитета*. Террор не занимает в программе важного места; что касается царубийства, оно скорее было навязано сообществу соответственным настроением

мысли революционеров. Множество их не примыкали к *Народной воли* иначе, как на этом пункте. <...> Арест Александра Михайлова, затем арест Клеточникова, а также арест Желябова уже указывали на начало падения кружка. Тем более, что идея заговора не принималась, не производила впечатления реальности, а постоянные неудачи покушений против государя императора наводили, наконец, некоторое уныние, порождали мысль о невозможности. Лишь некоторые элементы кружка процветали, перейдя на почву радикальной агитации. В таких обстоятельствах наступило 1 марта 1881 г. Последовавшие аресты разрушили кружок и большую часть около него стоявшего. <...>

Народная воля снова превращается в пыль мелких кружков, журнал прекращается, и, наконец, мало-помалу самое название *Народной воли* почти выходит из употребления, а программа ее самими сторонниками объявляется непригодной. Последний появившийся журнал уже называется не «Народная воля», а «*Самоуправление*» и заявляет необходимость новой программы.

Так стоит дело.

Итак, в настоящее время, по-видимому, крупных организаций ни в одном направлении нет. Из направлений же ясно стоит *социал-демократизм* («Освобождение труда»), а остатки *Народной воли* расплылись в нечто неясное, хотя сохранившее террористические тенденции, как это видно из самого «*Самоуправления*».

